

“хочется посмотреть московское метро”

Эмма Шаплин и Сиссел — Газете

Сиссел и Эмма Шаплин считают, что рождественские традиции надо блюсти Фотограф: Никита Рыбаков/Газета

Приехавшие в Москву в компании великих испанских теноров французенка Эмма Шаплин и норвежка Сиссел оказались настоящими рождественскими снегурочками. Обе в России впервые. С Эммой Шаплин и Сиссел специально для Газеты встретилась Елена Ушакова.

Э.Ш.: Это было потрясающее знакомство. Я начала его с борща в ресторане «Шинок», который ела так, как нужно, — деревянной ложкой. Ой, как же это вкусно-то!..

Но в мире так много русских ресторанов, тем более в Париже...

Э.Ш.: Но я никогда в них не бывала, а всегда только мечтала — думала, ну вот теперь точно зайду, потому что все, что связано с Россией, с русским миром, — не просто экзотика, но и какая-то особенная теплота... Но так и не зашла. Где

взять время?... Кажется, была в ресторане «Шашлык» в Хельсинки, но там меня все время интервьюировали, и я так и не попробовала русской еды.

Да и в Москве, строго говоря, вы попали в украинский ресторанчик.

Э.Ш.: А что это такое — «шинок» — такое интересное слово?..

По-французски почти «таверна»...

Э.Ш.: А... Но вы знаете, я ведь не особенная такая уж тревоугодица и не так много знаю таверн... простите — ресторанов, потому что мой желудок такой маленький, вмещает так мало...

А вы ешьте под музыку, она помогает пищеварению — это доказано.

Э.Ш.: А знаете почему?

??

Э.Ш.: Потому что музыка — это тоже еда, тоже пища — только духовная... Но я люблю все же итальянское местечко «Маленькая Сицилия» в 19-м округе Парижа — там готовят очень вкусные спагетти с ракушками.

Сиссел: А я люблю поесть и ем все что захочу.

Ваша талия говорит об обратном.

Сиссел: Думаете, занимаюсь спортом? Разве что в гимнастическом зале; и всегда бегаю за своими дочками Сарой и Ингрид. Они маленькие.

Кстати, мне кажется, что вы похожи на дочь другой Ингрид — Изабеллу Росселлини, да и на самую великую маму тоже.

Сиссел: У меня довольно традиционная скандинавская внешность, так же как и я сама — обычная домохозяйка, которая

совершенно забывает о пении, находясь дома, которая любит сидеть в e-mail. И я никогда не была ничьим лицом, как Изабелла, которую я вовсе не осуждаю. Но я занимаюсь пением, и только этим и должна заниматься — таков мой взгляд на вещи. Меня просили быть лицом одной фирмы, но я далека от этого, я даже не пользуюсь косметикой, разве что когда нахожусь на работе, и вообще не очень-то увлекаюсь модой.

Э.Ш.: А я занимаюсь спортом — начала заниматься фехтованием, потому что буду сниматься в кино. Я так рада, что меня утвердили на роль в фильме. Это будет история из XVIII века. Это для меня новое, а я так люблю высочиться из собственной оболочки — я же интроверт.

Теперь женщины любят фехтовать — Мадонна в последнем фильме про Бонда или Софи Марсо, сыгравшая дочь д'Артаньяна...

Э.Ш.: Я пока только начинаю, и надо еще много учиться — всему надо учиться на этом свете, и многое хочется успеть. Вот я уже хочу снова приехать в Россию, я почти ничего не увидела. Хочу приехать сюда со своим шоу — особый свет, костюмы, акробаты. Уже в начале будущего года я уезжаю с этим шоу гастролить по миру — в Мексику, Канаду, в другие страны. Может, я выступлю и как циркачка.

А какие планы у вас?

Сиссел: Я хочу посмотреть московское метро, если успею. А еще — серьезная программа на телевидении в марте, а там посмотрим — пока я живу еще рождественским концертом.

А каково ваше отношение к Рождеству?

Э.Ш.: Я абсолютно точно могу сказать, что в эти дни в мире что-то происходит. Конечно, в каждой семье этот день отмечают по-своему, но заметьте, что празднуют не только христиане, но и евреи, буддисты, мусульмане даже. Значит, что-то есть; ведь не в Деде Морозе дело — он же языческий персонаж...

Но ведь в первую очередь Рождество — праздник религиозный...

Э.Ш.: Ну конечно, и обязательно все идут на мессу: Нотр-Дам переполнен приезжими, а парижане молятся в провинции, куда уезжают на каникулы.

Сиссел: Традиции обязательно должны жить, сохраняться, и в Скандинавии к ним относятся бережно. И в Дании, где я живу, и в Норвегии. И та и другая страны — монархии, что тоже прекрасно. Король Харальд — такой приятный человек (впрочем, и премьер-министр Норвегии тоже). Монарх — это объединяющее начало. Я за монархию.

Я знаю, вы пели и перед принцем Чарльзом.

Сиссел: О да, дважды. В Английской национальной опере и на собрании членов поло-клуба: была только избранная публика, мы все находились в большом шатре — Майкл Джордж, Селин Дион, Sting...

А что вы ощущаете, когда поете перед монаршими персонами?

Сиссел: Ничего... Они тоже люди... Как и Шарль Азнавур, и Пласидо Доминго, с которыми мне посчастливилось выступать. С Доминго я записала диск «Священные песни». Они все очень милые люди. И очень простые.

Эмма, а вы-то уж точно не монархистка...

Э.Ш.: В Париже давно нет монархии.

Гуляя по Красной площади, вы не зашли в мавзолей?

Э.Ш.: Нет, я как-то не заметила его, но я очень хотела бы. Я была в мавзолеях — в Мексике, например... Но я не такая уж и революционерка. Плоды революций познаются долгое время спустя, когда становится ясно, что же в результате получилось.

Я не думаю, что события 1968 года в Париже или sex, drugs and rock-n-roll в Америке привели к чему-то хорошему. Вспомните Моррисона...

Э.Ш.: Я не сторонница травки, хотя читала очень интересную книгу, которую, кажется, написал Кастанеда, — «Трава и легкий дымок»... Я не знаю, что сказать, потому что мы все должны быть свободны, свободу ограничивать нельзя, и только мы сами должны решать, каким создавать свой мир. Может быть, я просто слишком свободна...

Что это значит?

Э.Ш.: Ну...

Я думаю, что вы, Сиссел, тоже рождены свободной, если так смело экспериментируете с классикой и с современной музыкой.

Сиссел: Я стремлюсь соединить рэп и оперу. Я думаю, что это возможно, потому что когда-то и опера была зрелищем для народа, как теперь рэп. Я, конечно, не Бритни Спирс... Моя известная композиция под музыку Бородина из «Князя Игоря» — это о том, как рэп встречает оперу.

Вы и танцуете рэп, как Эминем?

Сиссел: Нет. Эминем вообще-то грубова, но у него бывает хорошая поэзия.

А брейк-данс?

Сиссел: Тоже нет, как и хип-хоп. Только пою, потому что мне интересна вся эта музыка, как и этническая, кельтская, кантри, — вся музыка мира. Петь на иностранных языках, конечно, трудно, а русский в этом плане очень трудный — помню по записи Бородина. Меня научил петь эти несколько пассажей русский шофер в Нью-Йорке — такой строгий... Это была просто борьба с русской музыкой. Но мелодия изумительная.

В «Титанике» ваш голос звучит настолько фантастично, линия столь безупречна, что кажется, будто поет волшебная машина. Как вы этого достигаете — это какая-то уловка, как у Ивана Реброва или у Имы Сумак?

Сиссел: Сумак?

Одна перуанка, которая пела как колоратурой, так и басом-профундо.

Сиссел: А-а-а... Реброва я так люблю: как у него шапка!..

В алябьевском «Соловье» он выпевает трели а-ля Галли-Курчи.

Сиссел: Я не знала... Я очень люблю Барбру Стрейзанд — с одиннадцати лет, она была моим первым ориентиром в мире музыки. А сейчас я прислушиваюсь и к другим голосам — мне нравится Эдит Груберова; я, конечно, люблю бельканто, но кроме него много чего есть — например, Джо Кокер... Что касается «Титаника», то я должна была петь и главную мелодию, но контракт с «Сони» был у Селин Дион, а потому пела она. Все остальное — я.